

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 17

И.Б. Ардашкин

ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ КАК ФОРМЫ ЗНАНИЯ

Рассматриваются основания проблемы как формы знания. Автор полагает, что осмысление таких оснований проблемы возможно через анализ понятий «субъект-объектные» и «субъект-субъектные» отношения, а также через понятие «виртуальность».

Ключевые слова: проблема; основание; субъект-объектные отношения; виртуальность.

В статье автор обращается к вопросу оснований проблемы как формы знания, полагая, что его исследование вызвано процессом виртуализации познания, мира, человека. Осуществление задуманного видится через необходимость обращения к анализу трех аспектов: предметному миру и его референции в познании, субъект-объектному отношению и его трансформации в современных познавательных практиках, понятию «виртуальность» и его значению для современного познания. Автор полагает, что проблема выявляет свои основания в познании именно через обозначенные факторы.

Предметный мир и его представленность в познании в последнее время связаны с определенными трудностями. Суть этих трудностей заключается в том, что сегодня ни один тип знаний (даже философия) не в состоянии четко сказать, что из себя представляет реальность, предметный мир. Каждый тип знания формирует с удивительной настойчивостью свою реальность, которая уже в зачаточном состоянии демонстрирует свои ограниченность, фрагментарность, неполноценность. Становится ясно, что мир (реальность) при все своем единстве плюралистичен, но этот плюрализм не выражает ни один тип знания. Как пишут И. Пригожин, И. Стенгерс, «по своему характеру наша Вселенная плюралистична, комплексна. Структуры могут исчезать, но могут и возникать. Одни процессы при существующем уровне знаний допускают описание с помощью детерминированных уравнений, другие требуют привлечения вероятностных соображений» [1. С. 18].

Другая трудность в представлении реальности, предметного мира связана с необходимостью включения времени в картину реальности. Ведь в классической науке (рациональности) знания о мире вневременны, законы, по которым мир функционирует, не учитывают того, что существуют эволюция, динамика, меняющие этот мир и его законы. Однако введение времени в систему знаний не облегчает, а усложняет наши представления о реальности. Человек еще не готов к такому восприятию действительности. Как пишут И. Пригожин, И. Стенгерс, «физическая реальность, которую мы описываем сегодня, является временной. Она охватывает законы и события, достоверности и вероятности... Открывает путь новым формам объективной познаваемости» [2. С. 212].

Можно сказать, что введение времени в картину реальности добавит ей неопределенности. Неслучайно ситуацию современного познания характеризуют как вызов неопределенности. Действительно, люди при-

выкли к тому, что знание мира «гарантирует» им предсказуемость происходящих событий, понимания того, что такое реальность и как она развивается. Введение же времени, плюралистичности говорит о том, что наши знания – вовсе не гарантия предсказуемости происходящих процессов в будущем. Как пишет Э. Морен, «в предыдущие века люди всегда верили в будущее: они или считали, что в будущем их ожидает повторение прошлого, или же верили в прогресс. В XX в. люди обнаружили, что утратили будущее, ибо установили, что будущее непредсказуемо» [3. С. 16]. Неспособность предсказать одновременно следствие неспособности ответить на вопрос, а что такое реальность в настоящий момент.

Особенно показательна ситуация обозначения реальности, предметного мира в науке. Классическая наука имеет дисциплинарную структуру, где каждая дисциплина выражает аспект реальности, фрагмент объекта познания. Этот вид науки при рассмотрении реальности ориентируется на объективность, где последняя выступает и в качестве условия (истина как результат познания должна быть объективной, отображать объект достоверно), и в качестве структуры (качество объекта определяет структуру научного познания). Объективность науки определяет дисциплинарную структуру науки по принципу: чем больше научных дисциплин, тем больше объективного начала в реальности выражает знание.

Казалось бы, ситуация достаточно естественная и понятная. Однако трудности начинали возникать тогда, когда требовалось это знание применить к миру в целом либо к объекту, который выражал в себе предметный интерес различных наук (например, человек). В таких ситуациях и проявлялась противоречивость научных представлений о реальности, когда, с одной стороны, они продолжали дифференцировать мир, развивая научную специализацию, а с другой – интегрировались друг с другом, формируя «метазнание» науки. Вот здесь и выясняется сложность подобного предметного выражения реальности наукой.

Сегодняшний кризис научных знаний вызван в том числе и дисциплинарной структурой последней, поскольку он обозначает противоречивость развития науки, несоответствие современным культурным идеям целостности познания, выражающей единство мира. Как пишет Е.Н. Князева, «научно-технический прогресс демонстрирует нам сегодня двоякого рода тенденции.

С одной стороны, возрастает специализация различных научных дисциплин, знание становится все

более эзотерическим, доступным только специалистам, экспертам в узких дисциплинарных областях...

А с другой стороны, налицо противоположная тенденция – тенденция к интеграции и целостности. Происходит ломка границ между дисциплинами, вторжение проблем одних научных дисциплин в другие, циркуляция понятий. Возникают поля полидисциплинарных исследований, где в изучении сложного явления происходит встреча различных научных дисциплин, возникают взаимные влияния, наводятся мосты взаимодействия» [4. С. 29–30].

Противоречивость структуры научного знания отображает нашу противоречивость в представлениях о реальности. Для человека действительно сложно представить мир не через структуру дисциплин науки, хотя он и понимает ее фрагментарность и ограниченность. Но это, в первую очередь, наше предельное восприятие мира. И.Т. Касавин по этому поводу пишет, что несколько противоестественной выглядит система знаний науки на основе междисциплинарного взаимодействия, но эта противоестественность – результат дисциплинарной картины мира, которая организуется собирательным путем. Куда более понятной должна выглядеть междисциплинарная структура науки, но опыт такого понимания мира, а следовательно, конструирования знания, у нас мал. «Неявной предпосылкой данных недоразумений является представление о дисциплинарной структуре науки как о естественной норме и о междисциплинарности как отклонении от нормы, как переходном состоянии науки на пути к новому типу дисциплинарности. Нам представляется, что, напротив, именно междисциплинарное (не предполагающее при этом жестких границ каждой вовлеченной дисциплины) взаимодействие есть естественное состояние науки, предельным случаем которого является относительно строгие дисциплинарные структуры, границы которых задаются не столько системами знания, сколько институциональными формами» [5. С. 7].

Можно согласиться с И.Т. Касавиным в вопросе о том, что необходима и междисциплинарная, и дисциплинарная структура науки. Кроме того, следует добавить, что подобная структура знаний сегодня характерна не только для науки, но и для других типов знания. Ведь та же наука взаимодействует и с искусством, и с религией, и с философией и т.д., так же как эти типы знания взаимодействуют с наукой и между собой. В настоящее время познание предстает как взаимодействие, а не противостояние, демаркация.

Но в случае с наукой и с другими типами знаний возникает вопрос: а как реализуется междисциплинарность, межтиповая интеграция знаний. Реальность выступает и как единая, и как множественная структура, поэтому необходимо стремиться добиваться единства представлений о мире через идею междисциплинарности знаний.

Вот здесь и возникает одна из сложностей, особенно в аспекте обоснования истинности результатов междисциплинарных исследований [5. С. 6–8]. Автор же предполагает, что точкой соотношения дисциплин (типов знания) может выступать проблема. Именно она позволяет реализовать и междисциплинарные исследования, и дисциплинарные, именно она демонстрирует

свою трансдисциплинарность. Проблема выступает как универсальный момент выражения реальности, в котором фрагментарность преодолевается временностью функционирования проблемы. Проблема выступает как референт реальности в сфере знания, который пусть противоречиво, но естественно ее выражает. Основательность проблемы связана с обретением ею топоса в познании, с тем, что она характеризуется континуальностью.

Любое исследование осуществляется в определенное время и в определенном месте, это исследование осуществляется с определенной целью, но это исследование, раз оно осуществляется, еще не выражает собой результат, а значит, это исследование и есть проблема и в содержательном, и в процессуальном выражении. Проблема интегрирует знания, поскольку каждая дисциплина может вполне осуществлять познание по отношению к ней, не разрушая ее дисциплинарного основания. Реальность тогда реферируется через проблему и проблемы, поскольку иной способ ее предметного выражения не позволяет допустить междисциплинарного и трансдисциплинарного исследований. Поэтому проблема и выступает способом выражения реальности, ее предметным референтом, становясь определенным срезом мира в нашем сознании.

Обратимся к анализу субъект-объектного отношения в познании и его трансформации, происходящей в последнее время.

Научная эпистемология Нового времени подменяет две сферы (субъективного и объективного) бытия одной – сферой знания, выдавая эту сферу за сферу объекта. Именно поэтому допускается абсолютное тождество бытия и мышления, субъекта и объекта в конечном результате познания. Абсолютное тождество выбивает «почву» у проблемы, которая демонстрирует отсутствие этого состояния между субъектом и объектом, помимо этого оно лишает самодостаточности и сферу субъекта, и сферу объекта, поскольку сливает их в сфере знания.

Такое понимание проблемы сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, возникает сложность при познании разнорядковых объектов (объектов микромира, макромира, мегамира). Мышление человека не может свести все эти объекты к единому универсальному способу выражения, эти объекты нетождественны мышлению, субъекту. Об этом пишут разные отечественные исследователи, подчеркивая, что возникновение принципов дополнительности, неопределенности, соответствия и т.д. – свидетельство того, что объект полностью не сводим с субъектом в сфере знания [6–8].

Во-вторых, меняется понимание природы субъекта, которая теперь представляется основанной не на принципе отражения реальности, а на принципе ее конструирования. Субъект – это не пассивное начало, чья функция – отражение мира, субъект – активное начало, чья функция – преобразование мира в результате взаимодействия с ним. Особенно последовательно эту идею проводит Р. Рорти. Он не приемлет «образ, пленником которого является традиционная философия, поскольку она представляет ум в виде огромного зеркала, содержащего различные репрезентации, один из которых точны, а другие – нет. Эти репрезентации могут иссле-

доваться чистыми неэмпирическими методами. Без представления об уме как зеркале понятие познания как точности репрезентации не появилось бы» [9. С. 9].

Рорти выражает познание через невозможность соотношения субъекта и объекта. Здесь также проблема утрачивает свою почву, поскольку она не соединяет через познание субъект и объект, а представляет собой чистую сферу (чистую проблему). Проблема у Рорти – это сфера проблемы, где последняя сама себя проблематизирует. Рорти выражает крайность такого позитивистского понимания проблемы, ибо говорит об отсутствии у последней оснований в познании в виде субъект-объектного отношения.

Для автора проблема выражает предметное поле реальности, поскольку именно оно сохраняет целостность обозначения мира в познании. Попытка позитивного или негативного отношения к проблеме разрушает эту целостность, возможность целостного отношения, контекстность миропредставления. Негативное отношение к проблеме нивелирует субъективное начало, позитивное отношение к проблеме сводит предметность мира к человеческому представлению. А мир, объект, как бы роль субъекта ни была велика в его познании, все же самодостаточны, бытийны, неисчерпаемы, поэтому позитивность проблемы, представленная в такой трактовке, неприемлема, так же как неприемлема и негативность проблемы для познания, ибо это приводит к отказу от признания самодостаточности субъекта, его неисчерпаемости. Проблема интересна с точки зрения своей природы, с точки зрения той роли и того места, которые она, действительно, занимает в познании.

Однако чтобы обратиться к проблеме как основанию знания, научной эпистемологии, автор вынужден обратиться к позитивной ее трактовке. Дело в том, что, не имея на сегодняшний день более-менее приемлемого примера, обозначающего генетическую основу проблемы через субъект-объектное отношение, автор использует тот пример демонстрации этого отношения, который сложился в рамках позитивной трактовки такого рода оснований проблемы. А там субъект-объектное отношение обретает второстепенный статус, рассматривается через призму субъект-субъектного отношения, а также рассматривается возможность его трансформации к субъект-субъектному отношению. Но еще раз подчеркну, что это не отказ от субъект-объектного отношения, а уточнение того, как это отношение функционирует в познании. Отличие проблемы в интерпретации субъект-объектного отношения от интерпретации проблемы в позитивной трактовке ее как основания заключается в несведении, нередуцируемости объекта, мира к субъекту, мышлению.

Преимущество субъект-субъектных отношений заключается в том, что они показывают равнозначность и самодостаточность познавательных начал, их несводимость друг к другу. Это свидетельствует о том, что в познании оба начала не тождественны друг другу, что благодаря этому они взаимодействуют и функционируют. А значит, проблема как место их соотношения не может быть искоренена, ибо последние не тождественны и не сводимы друг к другу. Одно начало в этих отношениях не подменяет другое или не элиминирует его полностью. Субъект-субъектное отношение демонст-

рирует, что познание и возможно как взаимодействие этих начал, поскольку без коммуникации знание и не возникнет. Как пишет Л.А. Маркова, субъект в этих отношениях «приобретает индивидуальные особенные черты не в силу своей принадлежности культуре, социуму, истории и т.д., а в силу своей обращенности именно к данному, а не к другому объекту творчества в науке, искусстве, философии. Субъект не противопоставляет предмету как отличный от него, а сосредотачивает в себе такие элементы хаоса (целого, виртуального мира), которые дают ему возможность включиться именно в эту ячейку актуализированного мира и содействовать созданию образа в кино, решению конкретной научной проблемы и т.д. В то же время и предмет мысли (в науке это особенно очевидно) как бы “выпадает” в моменты творческой активности из логической структуры, делающей его отличным от “субстанции мыслящей”, и в результате он становится зависимым от субъектных характеристик» [10. С. 109].

Укоренение проблемы в субъект-объектном отношении осуществляется тогда, когда эти отношения строятся как субъект-субъектные, только вторым началом этих отношений является все же объект. Проблема выражает эту связанность субъекта и объекта, связанность, которую следует понимать как неустранимую связанность. Это значит, что и субъект, и объект существуют, с одной стороны, автономно, а с другой – в проблемном состоянии, состоянии взаимопроникновения друг в друга. Причем все это существует одновременно. Если же мы сведем субъект-объектное отношение к субъект-субъектному, т.е. не будем учитывать особенность второго начала как объекта, то получим позитивный вариант трактовки проблемы как основания научной эпистемологии (познание, сведенное к искусству, познание, утратившее себя как сущность). С такого рода пониманием можно столкнуться у Рорти, который «останавливается на полпути; и если в критические моменты истории науки субъектные характеристики выдвигаются на передний план, он только на них и сосредотачивает свое внимание, причем предметная сторона мышления полностью ими поглощается» [10. С. 109].

Трансформация статуса проблемы в таком виде субъект-объектных отношений очень сложно соотносится с историей познания, особенно с историей научного познания. Ведь последнее имеет вид знания, которое получается через решение проблем. История науки – это история решения научных проблем с целью накопления и совершенствования научного знания. Рассмотрение проблемы как основания знания, научной эпистемологии выступает в качестве условия познания, без которого не возникнет субъект-объектное отношение, а, по сути, природа проблемы означает нерешаемость проблемы в принципе, если речь идет о сохранении познания как такового. Вот и получается, что, с одной стороны, познание – это получение нового знания, к чему приводит решение проблем, а с другой – познание – это субъект-объектное взаимодействие, которое осуществляется в сфере проблемы, а значит, важнейшим его условием является неустранимость проблемы. Как подобная интерпретация может внести ясность в понимание познания?

С позиции автора, возникшее противоречие очень четко демонстрирует сложность выражения познания и проблемы. Укоренение проблемы в качестве основания познания, на самом деле, не исключает возможности решения проблем, рассмотрение науки как истории решения научных проблем, так же как и решение проблем не говорит о том, что проблема элиминируется из познания, утрачивает свое место. Сегодня меняется познание не только как деятельность субъекта, познание становится сферой, в которой эта деятельность сопрягается с другими видами деятельности субъекта, с его судьбой. Это порождает такой фон, в котором сочетаются даже противоположные сущности. Л.А. Маркова пишет: «Если прежде существовали как бы две параллельные истории – история научных идей и социальная история науки, включая личностные особенности ученого, то теперь структуру научного и предмет изучения нельзя противопоставить и отделить от субъекта познания. Чтобы понять, что есть научное знание, его надо соотносить не столько с прошлым и будущим, сколько с контекстом, с тем, что сосуществует с актом его производства. Тем самым естествознание сближается с искусством, где всегда новое произведение представляло интерес, прежде всего, с точки зрения создания его именно этим автором, скорее не похожее на другие произведения, чем как обладающее чем-то общим с ними. Для XX в., вообще, характерна обращенность внимания мыслителей к началам, а начала у каждого свои» [10. С. 99]. Тема проблемы как основания знания, научной эпистемологии – это обращение проблемы к своему началу, это демонстрация того, что познание плюралистично, диалогично, поликонтекстуально.

Решение проблемы – это не факт того, что она устраняется из познания, утрачивает свою природу и сферу. Решение проблемы – это сужение контекста, но не устранение последней, поскольку в ином контексте она вновь появится и проявит себя. Проблема как основание знания и научной эпистемологии – это целостность познания, которая свидетельствует о безграничности мира, множественности контекстов. Она – это актуализация темы пространства, форм его проявления – контекстов. Отсюда, новое определяется не как нечто выводимое из прошлого, ведь времена, как и миры, несоизмеримы. Новое рождается благодаря смене контекста, а не времени, хотя и последнее не исключено. Просто первое сегодня более актуально для познания.

Проблема свою основательность в познании прежде всего проявляет через обозначение пространства. Если она континуальна, значит, она не может быть устранена. Устраненность проблемы из познания – это проявление ее темпоральности, но темпоральности особой. Это не темпоральность универсальная, темпоральность вообще, а темпоральность субъективная. Каждый субъект живет в своем темпоральном измерении, и только через это измерение возможна элиминация проблемы. Неслучайно субъект-субъектные отношения послужили примером, с помощью которого можно показать особенность функционирования субъект-объектных отношений. Но проблема еще и континуально укоренена в познании, что говорит об ее неэлиминируемости. Поэтому сегодня вполне допустимы представления о познании, где преобладают континуальные, простран-

ственные образы. Так, по Л.А. Марковой, «сама процедура рождения нового как бы выпадает из ряда развития. Время, история, развитие отходят на задний план, а на передний выдвигаются пространство, контекст» [10. С. 99].

Субъект-объектные отношения в специфике своей интерпретации указывают, таким образом, на укорененность и неустранимость проблемы, без которой их понимание затруднено. Также без проблемы затруднено понимание реальности, предметной референции мира. Но в то же время очевидно, что проблема как предметный референт мира, как условие субъект-объектного взаимодействия не выражает мир таким, каким мы его видим, не характеризует познание так, как чаще всего мы его осуществляем. Тогда возникает вопрос: проблема как основание познания является чем-то нереальным, несуществующим? Отчасти, можно сказать и так, но вернее будет сказать, что все это есть, существует, только в особом виде – в виде виртуальном.

Поэтому обратимся к пониманию того, что такое виртуальность и как с ее помощью можно выразить все то, о чем выше писалось. Следует оговориться, что понятие виртуальность – понятие, которое сегодня не является четко проработанным. Это значит, что существует ряд позиций, подходов, чьи представления очень сильно разнятся. Однако подобное состояние философских исследований виртуальности – не повод, чтобы отказаться от использования этого понятия.

В отечественной литературе наиболее проработаны два подхода: подход Н.А. Носова [11] и подход С.С. Хоружего [12]. Автор будет опираться на подход С.С. Хоружего, поскольку этот подход лучше демонстрирует виртуальность, особенность виртуального бытия. Такая позиция подтверждается не только субъективными предпочтениями автора. Так, А.Ю. Севальников пишет: «Обратимся теперь к модели, предложенной С.С. Хоружим. Из всех теоретических схем она отличается наибольшей обстоятельностью, продуманностью и проработанностью» [13. С. 235]. Поэтому сначала коротко обрисую сущность концепции виртуальной реальности С.С. Хоружего.

Концепция Хоружего более удобна еще и потому, что он ориентируется на построение онтологического каркаса виртуальной реальности. Исследователь не удовлетворен интуицией и эстетическим воображением, которые чаще всего используют при описании виртуальной реальности. С.С. Хоружий пишет: «Все наличные материалы свидетельствуют, что эти представления о виртуальной реальности все время остаются лишь именно представлениями или интуициями, доброй волей лежащими в сфере сырого и непродуманного, противоречивого и туманного. Дистанция, отделяющая “представления” от научных понятий и философских концептов, пребывает неопределенной и весьма значительной».

Мы попытаемся наметить философский контекст и онтологический каркас, в рамках которого было бы возможно полноценное философское продумывание виртуальности» [12. С. 53].

Виртуальная реальность для Хоружего важна, поскольку она позволяет философии выявить еще одно измерение реальности, которого последняя еще не выводила, не обнаруживала. Выведение виртуальной реальности С.С. Хоружий начинает, опираясь на струк-

туру аристотелевой реальности. Структура аристотелевой реальности троична: дюнамис, энергия, энтелехия. Каждый из структурных компонентов характеризуется особыми свойствами: «Δυναμις – возможность, потенция, потенция; Энергия – энергия, деятельность, действие, акт, актуализация, осуществление; Εντελεχεια – энтелехия, действительность, актуализированность, осуществленность» [12. С. 55]. Эта структура целостна, а механизм ее функционирования следующий: возможность с помощью энергии переходит и оформляется в энтелехию.

В философии традиционно в этой триаде акцент делался на первом или третьем компонентах, на возможности (потенции) и энтелехии (действительности), тогда как энергия (действие) рассматривалась как вспомогательный компонент. По мнению же Хоружего, в этой триаде как раз и заложена возможность трактовки, связанная с центрацией на энергии. Причем трактовка, которую философия не затрагивала. Взять хотя бы категории Аристотеля возможность и действительность, где отсутствует механизм взаимодействия этих категорий. А этот аспект бытия имеет возможность показать себя как существенный для человека. Хоружий пишет: «Став дискурсом энергии, философский дискурс в любой теме будет разворачиваться, в первую очередь, в горизонте энергии и как прослеживание того, что совершается с энергией. Историческая судьба такого дискурса своеобразна. В философии он практически отсутствовал до сих пор (если не считать подходов, в той или иной мере коррелятивных – дискурсов воли, любви, желания и т.п.). Однако его главные принципы, примат энергии и деэссенциализованная трактовка последней, выдвигались и полагались в двух областях чрезвычайно разного рода: в некоторых древних школах мистико-аскетической практики (включая православный исихазм) и в современной квантовой физике и космологии» [12. С. 56–57].

Именно реальность, в основе которой лежит энергия (действие), должна быть онтологической основой виртуальной реальности. Энергия выступает как свободное начало, поскольку она не опосредована ни целью (окончательным результатом), ни началом (возможностью). Это особая реальность, в которой главное событие – действие (бесцельное и беспричинное). Энергия может сближаться с потенцией, возможностью, но не с целью, результатом, поскольку первая не угрожает ее свободе, сохраняет сущность ее бытия, а последняя отнимает свободу, направляет энергию в русло цели. Такое действие начинается, но не завершается. «Когда энергия делается деэссенциализованной, она сближается с потенцией и может выступать как начинательное усилие: не столько сформировавшийся акт, сколько лишь побуждение, побудительное движение; и не столько оформившееся движение, сколько чистый импульс, первый толчок или “росток” движения – вы-движение, вы-вступление из стихии потенции – к актуализации (впрочем, хотя и начинательное, но уже выступившее, отделившее себя от потенции отчетливо и определенно, ибо имеющее определенную энергию)» [12. С. 58].

Все это очень хорошо напоминает проблему в ее выражении основания знания и научной эпистемологии. Проблема укоренена в познании, коль она там появилась, ее уже нельзя оттуда элиминировать, пото-

му что она пребывает в познании энергийно (виртуально). Она не может быть закрыта, окончательно разрешена, т.к. она действие, «корень познания». Проблема как энергийная сфера познания, чья виртуальность проявляется через постоянное действие. «Энергия, когда она отделена от энтелехии-сущности, имеет исключительно природу действия, “деятельностную”, существуя лишь в действии и не существуя сама по себе» [12. С. 57]. Поэтому и возникает такое двойственное восприятие проблемы как действия и как результата. Проблема как результат временно элиминируема из познания, проблема как действие не элиминируема из познания, т.к. она континуально пребывает в топосе познания. И то, что мы можем там ее не видеть, не обнаруживать, полагая ее отсутствие как условие того, что она решена, ничего не значит, ибо проблема все равно есть, даже не существуя. Ее среда – это виртуальная среда, это энергия, бытие «между». Проблема существует как событие, которое нельзя выразить, говоря словами Хоружего, «обналичить».

Хоружий показывает, что виртуальная реальность – это реальность «необналичиваемых» событий. Суть «необналичиваемости» события заключается в его трансцендированности. Но это не совсем та трансценденция, о которой шла речь в европейской философии. Та классическая трансценденция полагала возможность границы между чистым явлением и его опытным выражением, между чистым сознанием и чувственным восприятием. Но такой границы не существует в чистом виде. Поэтому и трансценденция нуждается в новой трактовке. «Выясняется с разных сторон – начиная со строгой феноменологии, – что дискурс чистой мысли отнюдь не может быть целиком изолирован от дискурса телесности, как и от дискурса воли, желания – и в свете этого концепцию естественного трансцендирования следовало бы пересмотреть. В итоге же, трансцендирование остается сегодня – как и оставалось всегда – топосом, открытой проблемой и узлом проблем» [12. С. 61].

Трансценденция у Хоружего как способ обозначения «необналичиваемых» событий должна отличаться от классического своего варианта именно обозначением отсутствия четкой границы, горизонта между разделяемыми сферами. Это в классической философии трансценденция гарантировала образец в чистом виде, что и предполагало результат, завершенность. По Хоружему же, трансценденция как раз-таки не предполагает завершенности, чистого образца результата. Как пишет Хоружий, «так мы подходим к одной из тем, где отражается граничный характер трансцендирования как топоса философии. С одной стороны, казалось бы, заведомо возможно сопоставить трансцендированию как некоторому действию – его законченность и завершенность, полноту его актуализированности. С другой стороны, однако, такое сопоставление придает трансцендированию – или, точнее, гипотетической “завершенности трансцендирования” – телос, энтелехию и наличествование, т.е. свойство, которыми оно, по определению, обладать не может, которым оно предельно чуждо. Трансцендирование – особое, единственное в своем роде действие онтологического исхода, и его “завершенность” и “актуализированность” – если вообще о них можно говорить! – также особого рода»

[12. С. 63]. Такую «завершенность» и полноту трансцендирования Хоружий предлагает обозначить термином «трансцензус». А «это – то имя бытия, в котором исполняется трансцендирование как глагол бытия. Но сразу необходимо подчеркнуть, что эти новые понятия – трансцензус, транс-телос, транс-энтелехия – только условны и проблематичны, они не решают, а только выявляют проблему, намечают ее язык» [12. С. 63].

Хоружий рисует такую реальность, где допускается наличие явлений и вещей в энергийном существовании. Эта энергийность предполагает, что событие может начаться, но оно никогда не будет завершено. В то же время Хоружий полагает, что между различными реальностями (бытийными измерениями) не существует четких границ, а это позволяет явлениям, вещам, событиям существовать одновременно в разных измерениях: потенциально, энергийно, действительно. Проблема именно выражает эту бытийную особенность виртуальной реальности, бытия «между». А.Ю. Севальников пишет: «парадоксальность такого бытия состоит в том, что “существует” то, чего, по сути, нет. Реальность такого рода не обладает сущностью, она не-эссенциальна. А раз она не-эссенциальна, то она и не может актуализироваться, достигнуть состояния энтелехии, осуществленности. Это есть “бытие-действие”, о котором говорит Хоружий, чистая область действия, которая никогда не обладает завершенностью, законченностью, и в этом смысле бесцельна, т.к. энтелехия и есть “телос”, конец, цель вещи, которой тут как раз и нет» [13. С. 237].

С этими характеристиками виртуальной реальности совпадают характеристики реальности, предметные референции мира, которые сегодня вырабатываются в философии. Реальность, чье единство проблемно, может обрести искомое воплощение энергийно. Это та реальность, которую человек хочет иметь, но которую он не видит. Аналогично выглядят субъект-объектные отношения, которые должны полагать разнорядковые сущности (субъект и объект), но неявным образом строятся по принципу однопорядковых начал (субъектов). Подобная подмена также не предполагает завершенности и выраженности того, на что познание направлено, а значит, среда, где возможно это действие (субъект-объектные отношения), предстает как среда «необналичиваемых событий».

Таким образом, познание виртуализируется, что и предполагает выражение его потенциала, бесконечности, незавершенности. Проблема в этом мире обретает

свой генезис как основание познания, поскольку обретает в этом истоке свою важнейшую характеристику – незавершенность. Укореняясь в знании и реальности, проблема увеличивает степень неопределенности знания, что имеет и положительную, и отрицательную стороны. Положительная сторона заключается в обозначении природы познания, бытия, человека, которая открывает потенциал их функционирования. Этот потенциал связан с отказом от идеи получения возможно окончательного ответа на вопрос о природе познания, бытия, человека. Положительным также является то, что проблема выявляет контекстуальность и континуальность существования познания, бытия, человека, показывает необходимость обращения к проблеме не только как к препятствию и сложности, но и как к смыслу деятельности. Энергийность проблемы предполагает ее в виде «телоса», цели, «бытия-действия», бытия «между». Посредничество проблемы, по сути, выражает «защищенность» познания, бытия, человека от исчерпанности названных начал.

Но есть и отрицательная сторона, связанная с возможностью абсолютизации одной реальности по отношению к другим. Проблема как референт виртуальной реальности и других видов реальности может привести к ситуации, когда последние будут выражены также виртуальным образом. А это приведет к крушению мира и человека в целом, т.к. виртуальность изначально несамодостаточна. Поэтому излишняя проблематизация, проявляющаяся в усилении виртуализации, очень опасна. Особенно это просматривается в страсти некоторых субъектов к компьютерным играм. Погружение в мир компьютерных игр приводит к серьезной ломке представлений о том, что такое мир. Ведь человек подменяет одну реальность другой. Виртуализация приводит к снятию ответственности, когда человек может делать все, что угодно, ведь делает он это в другом мире. Однако характер восприятия поступка сохраняется и человек поступает виртуально (проблемно).

Отсюда можно сделать главный вывод: виртуализация познания актуализирует фундаментальную сущность проблемы как формы знания в виде основания научной эпистемологии. Генезис такой основы проблемы заключен в ее возможности быть референтом объекта (мира), в структуре трансформирующихся субъект-объектных отношений, в виртуальном (энергийном) состоянии познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2003.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М., 1999.
3. Морен Э. Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 7–28.
4. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 29–48.
5. Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II, № 2. С. 5–14.
6. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
7. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002.
8. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
9. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
10. Маркова Л.А. Переосмысление субъект-предметного отношения // Вопросы философии. 2006. № 8. С. 98–110.
11. Носов Н.А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 152–164.
12. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53–68.
13. Севальников А.Ю. Онтологические аспекты виртуальной реальности // Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2004. С. 208–241.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 11 февраля 2009 г.